

АДЫЛ ЯКУБОВ

РАССКАЗЫ

ГДЕ ТЫ, МОРИКО?

Жизнь человека непредсказуема и полна неожиданных событий...

Вернувшись с торжественного праздничного собрания, посвященного Дню памяти и почестей, я решил отдохнуть, как вдруг зазвонил телефон.

В трубке раздался звонкий голос девушки.

– Вы писатель? Я звоню с «Узбектуризма». К нам приехала группа туристов из Японии. Одна дама из этой группы спрашивала о Вас и хочет с вами встретиться.

Я удивился:

– Откуда она меня знает?

– Не знаю, – ответила девушка. – Во время Второй мировой войны, вы же участ-вовали в Японской войне и были в городе Порт-Артур?

Я еще сильнее удивился.

– Да, я был там. Но...

Девушка перебила меня:

– Она знает русский язык и прочла одну из ваших книг, которая называется «Улугбек».

Порт-Артур! Японская женщина, знающая русский! Давным-давно забытые, но все еще дремавшие в уголках моего сердца далекие чистые воспоминания ливнем нахлынули и унесли меня в прошлое.

– Алло, – сказала девушка. – Почему Вы замолчали? Или Вы не хотите встретиться с ней?

– Нет-нет почему же! Хочу...

– Тогда запишите мой телефон и назовите удобное для Вас время. Остальное я организую сама.

* * *

Дальний Восток. Теплые осенние месяцы 1945 года, маленький и уютный городок Порт-Артур, построенный для японских офицеров. Спрятавшиеся посреди изумрудных рощ, опрятные и красивые одноэтажные домики. Японская девочка Морики, мило тараторящая по-русски...

Почти на две тысячи верст раскинулась великая пустыня Гоби, по которой нам – солдатам с трудом пришлось идти. Но вот остались позади и горы Хинган, преграждавшие нам дорогу. А впереди раскинулась бескрайняя и безграничная ярко-зеленая долина. Это была Маньчжурия.

Нас, измученных, оборванных, обросших, оставшихся в одних портянках солдат – обмундирование наше истлело и изорвалось в пути – опять погнали вдоль этой долины. За неделю мы добрались до какого-то городка, где проходила железная дорога. Здесь нас, как селедок в консервных банках, набили в красные вагоны и повезли. Состав, как сонная муха, тащился целую неделю через какие-то города (впоследствии мы узнали, что это Мукдси и Харбин). Затем людей словно спички из коробка, вытряхнули на холмистой возвышенности около города Порт-Артура.

В тех местах росли великолепные яблоневые и грушевые сады. Днем мы ныряли в эти сады, оставшиеся без присмотра, и, наполнив пазуху яблоками и грушами с медовым вкусом, спускались к нашим палаткам. Нас тоже на некоторое время оставили без присмотра... Целыми днями мы лежали, слонялись без дела, бродили в этих рощах – в общем, были предоставлены сами себе.

А чуть вдалеке нам был виден раскинувшийся небольшой, но несравненно прекрасный Порт-Артур, построенный с

великолепным вкусом и мастерством. С одной стороны города сверкала на солнце голубая речка, впадающая в океан. А там – на горизонте виднелись плывущие корабли. Куда они направляются? Мы с тоской вглядывались в голубоватый дымок, вьющийся из их труб. «Может быть, однажды мы тоже отправимся на одном из них на родину, а может наши останки будут похоронены в этой красивой, но чужой нам земле», – такие мысли проносились в сознании и от этого становилось грустно и щемило на сердце.

Эта «вольная» жизнь длилась десять дней. Наконец, со всех окрестных воинских частей к нам стали наведываться их представители или «сваты» (мы их так называли). Они отбирали нужных им солдат: снайперов, пулеметчиков, автоматчиков, а то и поваров, парикмахеров и портных.

В один из таких дней в нашу, так называемую роту, а на самом деле неорганизованную толпу, пришли два офицера и молодой красивый майор с позвякивающими орденами и медалями во всю грудь. Кроме десяти-пятнадцати автоматчиков, им нужен был в штаб грамотный солдат с хорошим почерком.

Командир нашей роты был отличным бойцом, но закончил всего семь классов, поэтому, составляя разного рода донесения «верхам», всегда обращался ко мне. Он-то и порекомендовал мою кандидатуру. Майор осмотрев меня со всех сторон, внезапно спросил:

- Откуда ты родом?
- Из Узбекистана, – сказал я.
- По национальности узбек?
- Узбек.
- Сколько классов закончил?
- Десять.
- Твой русский неплох. Когда научился?
- До пятого класса учился в русской школе.
- Ты видел Ташкент?
- Видел.

Майор, усмехнувшись, спросил:

– А что означает Ташкент?

Я опешил.

– Ташкент – это Ташкент!

Майор сдвинул мне на нос мою старую, замасленную шапку, засмеялся и сказал:

– Эх, ты, даже этого не знаешь. Ташкент – это город, построенный из камней. Таш – это камень! Кент – город!

Я смутился, но майор сделал вид, что не заметил и сказал:

– Хорошо. С сегодняшнего дня будешь моим секретарем. До обеда – служба в штабе, потом мелкая работа по дому. Например, будешь ловить мух. – Он вновь засмеялся, поглаживая усики, которые так были ему к лицу.

С этого дня моя жизнь из мучительной и нечеловечески тяжелой участи солдата-пехотинца превратилась в сущее блаженство. Большую часть времени я проводил в доме моего командира – начальника штаба. Майору выделили красивый коттедж, со всех сторон обросший можжевельником, а находился он на берегу моря, неподалеку от крепости Порт-Артур. Когда-то этот дом принадлежал влиятельному японскому генералу... Теперь и генерал, лишившийся всех титулов и наград, жил в маленьком сарайчике в конце двора вместе с двумя дочерьми. Старшую звали Чикосан, ей было около 22–23 лет, а младшую – Морики. Отставной генерал после неудачной военной кампании отошел от мирских дел, жил уединенно, ревностно охраняя своих дочерей от русских офицеров.

Я поначалу не обращал на них внимания, занятый своими делами. Работа моя была необычная, совсем не похожая на солдатскую службу.

По утрам вместе с начальником я ездил в майорской машине в штаб. До обеда печатал мелкие донесения на машинке для генерального штаба (за одну неделю я научился печатать), а после обеда выполнял личные поручения майора. Два раза в неделю ходил в полковой склад и получал продукты. Паек,

который выдавали офицерам, по тем временам был роскошным: хлеба хоть завались, а трофейные продукты – снеди, еще захваченные у японцев, целые пакеты хрустящего галетного печенья с медовым вкусом, сгущенное молоко, мясо, рыбные консервы, колбасы трех-четырёх видов, несколько бутылок спирта – все это не только для одного человека, но и для пяти или шести человек оказалось бы сверх нормы.

Продукты я раскладывал в погребе, затем гладил одежду майора, убирал комнаты. На это уходило около двух часов, а в остальное время, как и говорил майор, можно было и мух ловить. Когда мне было скучно, брал бинокль и наблюдал из окна за жизнью хижины поверженного генерала, а если честно, следил за шалостями и проказами его дочерей, которые скучали в пять раз больше меня. Однажды во время этого занятия меня застал майор. Я не заметил, как он вошел в дом, потому что был поглощен озорством двух девушек, которое дошло до предела: сначала они, громко смеясь, обливали друг друга водой, затем, сняв насквозь мокрые платья, почти обнаженные, выжимали их. Я был очень взволнован, и у меня сильно билось сердце, ведь я был все-таки деревенским парнем, в своей жизни еще не видевшим обнаженных девушек.

– Ты что делаешь? – От такого властного голоса я вздрогнул и вскочил с места.

– Ничего, товарищ ... майор!

– А ну дай сюда бинокль! – приказал майор. Какое-то мгновение он неподвижно смотрел в бинокль на хижину генерала и вдруг впал в мое состояние.

– Вот негодницы, – сказал он, с трудом оторвав глаза от увиденного. – Смотри-ка какая изящная и тонкая талия. Прелесть! Особенно старшая... Я вчера узнал у одного приятеля, что человек, которого мы считали генералом, на самом деле контр-адмирал. Он геройски участвовал в морских сражениях и разгромил американский флот в 1941 году. Его жена умерла. Живет он с двумя дочерьми. Старшую зовут Чикосан, а того

маленького чертенка – Морики. Говорят, что муж Чикосан был камикадзе. Ты знаешь, что означает слово камикадзе? Так называли императорских летчиков, которые сами себя обрекали на смерть. Они на самолетах врзались в американские военные корабли и погибали... О, господи!

Майор, глубоко вздохнув, покружил по маленькой комнате, и вдруг неожиданно его темные глаза игриво сверкнули.

– Слушай меня, приятель, – сказал он тяжело дыша. – Не попробовать ли нам вскружить им головы. Младшая из сестер еще мала. Но старшая – моя. Что скажешь?

Я вспомнил о высказываниях офицеров в штабе о том, что связи русских офицеров с японскими девушками и молодыми женщинами строго запрещены. И за нарушение приказа последует жестокое наказание.

– Э, – сказал майор, нетерпеливо махнув рукой. – Волков бояться – в лес не ходить! Сам Господь бог предоставил нам такую возможность, и мы должны отказаться? – воскликнул он и спросил:

– Что у тебя есть из продуктов?

– Все! Вы же кроме спирта ничего не употребляете, товарищ майор!

– Тогда сделай так! – перебил он. – Найди одну коробку! Положи туда пару банок сгущенного молока, пару пакетов галетного печенья. Они до смерти любят их! Положи еще пару палок колбасы! А я пока напишу письмо.

– Они же не знают языка, как я объясню им?

– Растяпа. Столько живешь и не видел? У сестер есть крохотный русско-японский словарь. Он постоянно с ними. Иди, выполняй приказ!

Спустившись в подвал, я нашел картонную коробку и наполнил ее всякими лакомствами. Мой начальник, волнуясь, нетерпеливо ждал меня.

– Прочитай! – сказал он, – У меня от тебя секретов нет!

Письмо майора состояло всего из нескольких строчек: «Чикосан! Я тебя люблю! Очень-очень люблю! Жду вечером, когда стемнеет. Если не придешь, я умру. Крепко обнимаю, майор Миша Ногов».

– Ну как, хорошо написано?

Майор весело расхохотался.

– Знаю из опыта – ни одна молодая женщина не устоит перед таким посланием! Что ты понимаешь в этих делах, молокосос? Ты вообще хоть однажды целовался? – майор опять громко захохотал, поглаживая свои тоненькие усики. – Теперь вот что сделай, приятель! Спрячь коробку под дерево и знаками позови того маленького чертенка.

– А если увидит генерал?

– А что он может сделать. Ну, увидит и что? Пусть гордится этот старый общипанный петух, что русский офицер без памяти влюбился в японку. А эта хитрая плутовка должна стать почтальоном между мной и сестрой. Если ты ее уговоришь – очень хорошо! А если нет, выгоню из штаба. Будешь на службе с утра до вечера ползать по земле! Иди, боец, выполняй приказ! Вон, как будто чувствует, вышла во двор, поливает ели. Я сосватаю ее тебе!

Действительно, маленькая Морико, босая, в коротеньком платьице с оголенными руками, из шланга поливала деревья.

Я, простой паренек, по правде сказать, еще никогда в жизни не общавшийся с девушками, трепеща вышел во двор. Положив коробку с нашей стороны под арчу, знаками подозвал Морику. Я думал, что она испугается и убежит. Но Морико, отбросив шланг, вприпрыжку подбежала ко мне (сестры видимо давно ждали от нас знаков внимания). Она так близко подошла ко мне, что я почувствовал ее легкое дыхание. Она была мила и изящна даже в простом летнем платьице. Ее девичьи груди заодно выступали, словно маленькие спелые хандаляшки¹. Морико случайно коснулась меня и зажгла огонь в моей душе. Ее слегка раскосые глаза смеялись и блестели золотыми искорками на солнце.

– Это тебе, – сказал я, открыв коробку.

Морико хихикнула.

– О-о, это очень много, – сказала она, произнося русские слова с японским акцентом. Мне в ней нравилось все – и ее смех, и произношение, и коверканье слов, напоминающее лепет младенца.

– А это сестре Чико! – сказал я и протянул письмо майора. – Хочешь, можешь прочитать. Не секрет!

Морико, взяв письмо, пробежала его глазами:

– Я сейчас, сейчас, – сказала она и стремглав кинулась в свою сторону двора.

Я остался стоять на месте, а майор, открыв окно, нетерпеливо спросил:

– Ну, что там?

Я невольно рассмеялся.

– Не торопитесь, дело спорится. Она ушла переговорить с сестрой!

Морико скоро вернулась, прижимая к груди русско-японский разговорник. Ее лицо светилось по-детски озорно и весело.

– Сестра согласна, – сказала она, то поглядывая на меня, то подыскивая слова в разговорнике. – Только не сегодня, потом, завтра.

– Почему?

– Потому что... – она опять стала листать словарик. – Потому что, если девушка сразу согласится... будет стыдно! – сказав так, она, как ребенок, весело засмеялась, с легкостью подняла коробку, помчалась к своему домику и молниеносно скрылась за дверь.

Обрадовавшись, я побежал к майору. Выслушав меня, он расвирепел.

– Почему не сегодня, почему завтра? Боец, ты не смог хорошо выполнить приказ! Иди заново поговори, приятель. Вон младшая снова вышла поливать. Скажи ей, объясни! Скажи, если сегодня не придет, мой командир умрет!

На этот раз Морики уныло ответила:

– Хорошо, я объясню сестре! – она с неохотой пошла в дом, но через какое-то время, улыбаясь, вернулась.

– Хорошо, если капитан умирает... Сестра сказала, что придет, и пусть не умирает бедненький, – Морики, хихикнув, хотела скрыться, но я быстро схватил ее руку.

– Ты тоже приходи, Морики, хорошо? Придешь? – спросил я, задыхаясь от волнения. Не вырывая руки, она сказала со смешком:

– А что будем делать?

– Поговорим.

– И все?

– Если согласишься, если захочешь, я разок поцелую тебя!

Морики, играя черными, как маслины, глазами, кокетливо промолвила:

– Нет, мне нельзя целоваться!

– Почему?

– Потому что... потому что я маленькая.

Она положила мне на плечи свои маленькие ладошки.

– Когда я буду как ты, мне можно будет целоваться.

Игриво расхохотавшись, она вырвала свои руки и убежала.

На этот раз майор остался доволен.

– Вот это другое дело, солдат! – сказал он и похлопал меня по плечу. – А когда придет? Не назвала время?

– Зачем вам время? Как только стемнеет, она и придет. Потерпите немного!

– Иди, иди, занимайся своими делами. Дай храпака, к примеру. Дальше не твое дело!

И после таких усилий, не мое дело?! Я долго лежал, как лев в клетке, в комнате майора, прислушиваясь к шагам.

Уже стемнело, а Чико не было слышно. Чтобы отвлечься, я стал думать о Морики. Мои мысли были светлыми, как лучи солнца. Я был уверен, что если не сегодня, то на днях она

обязательно придет. Если придет... что будет... что делать-то? – от этих вопросов тревожно трепетало сердце, бросало в дрожь.

В сладких грезах я крепко заснул. Утром меня разбудил майор, резко сдернув одеяло.

– Ты мой подчиненный, или я твоя прислуга? Уже полдень, бездельник, – майор стоял надо мной, по-детски улыбаясь.

– Товарищ майор, Чикосан приходила?

Майор, поглаживая усики, иронично усмехнулся:

– Ишь, приходила ли?! Только сейчас ушла! Такая нежная, как шелк! Черт, лас-титя к рукам, словно кошечка! Нет! – взъерошив волосы, он покачал головой. – Сколько я перевидал красавиц! наших русских марусек, хохлушек, полячек, немок. Только с твоими узбечками ничего не вышло, – сказал он, по-моему, желая меня обрадовать – когда я служил в Ташкенте, я много раз пытался ухаживать за ними. Ваши девушки – другие. Ну, да ладно!

Майор внезапно смутился от своих слов и, громко кашлянув, приказал мне:

– Значит так, эта Чикосан не пьет спирт, черт бы ее побрал! Нужно найти пару бутылок вина, друг! Ты сегодня не ходи в штаб, сразу беги на склад. Скажи завскладу, что от майора. Передай, чтобы хоть из-под земли нашел пару бутылок вина. Боец, задание понятно, приятель?

– Понятно, товарищ майор!

– Если понятно... выполняй приказ! Убери дом. Может, тебе удастся уломать младшую. Может, и она вечером придет. Если придет... будем свояками!

Майор в прекрасном расположении духа отправился в штаб. Я сразу схватил бинокль, но ни Чико, ни младшей не было видно.

При мысли о предстоящей встрече, сердце мое тревожно сжималось. Я тщательно убрал дом, выгладил сначала одежду майора, а потом свою, наконец, взяв под мышку торбу, помчался на склад. Завсклад, близкий приятель майора, выслушав меня, заворчал:

– У меня есть пара бутылок вина, припас для командира полка. Если он потребует, что я скажу?

Однако не отказал. Завернув бутылки в плотную бумагу, спросил:

– Твой начальник случайно не связался с какой-нибудь японской девушкой?

– Нет, ваш друг разве обратит внимание на японку? Вы же знаете, сколько у него друзей-приятелей. Каждый вечер собираются, кутят!

– Ты, парень, смотри за ним. Пусть глупостей не наделает. Есть приказ, согласно которому если офицеры встречаются с японками... то не только майора, но и генерала выпрут из армии...

Слова завсклада не возымели на меня никакого действия. В прекрасном настроении (выполнено второе «боевое» задание командира), со светлыми мыслями о Морики я, засунув две бутылки в торбу, быстренько помчался домой.

Морики во вчерашнем легком платъице стояла босиком около палисадника под нашими окнами и поливала цветы из дырявой посудыны. Я с надеждой поспешно подбежал к ней.

– Морики, идем, зайди ко мне!

Морики, перестав поливать, посмотрела мне в глаза:

– Что будем делать?

По ее губам пробежала кокетливо-лукавая улыбка.

– Поговорим.

– Какая польза от пустых разговоров?

– Есть толк, – ответил я, показав бутылки.

– Я не пью вино! – сказала Морики.

– Морики! Умоляю! Дорогая Морики!

– Хорошо, – обворожительно улыбнулась она. – Если не будешь приставать, зайду. – И как экзотическая бабочка вспорхнула и скрылась за нашей дверью.

Весь трепеща, я вошел вслед за ней. Вся моя решимость куда-то исчезла.

Морико сидела на кровати в моей комнате, от былой ее игривости не осталось и следа. Ее черные раскосые глаза были наполнены какой-то глубокой печалью. Я сел рядом.

– Что с тобой, Морико?

– Это была моя комната, – она тяжело вздохнула. – Вон те стены были украшены моими рисунками и собственноручной вышивкой.

– Зачем ты их унесла? – спросил я, и сам поежился от своего вопроса.

Морико бросила быстрый взгляд, и на ее нежном лице появилось холодное, похожее на ненависть выражение.

– Почему я должна оставлять свои рисунки, вышивку, которую я с любовью вышивала, солдатам, унижающим нас, – сказала она с какой-то неожиданной яростью.

Опешив, я не знал, что ответить.

– Морико, оставь эти разговоры...

– Подожди, – сказала она, слегка смягчившись. – В комнате напротив жила Чико со своим мужем, а в комнате, где живет твой начальник, жили отец (она произнесла «отес») с моей покойной мамой. На окнах и дверях висели красивые шторы. Красивые цветы стояли в больших горшках, в комнатах были дорогие столы и кресла. Сейчас везде пусто.

Я обнял ее нежные, по-девичьи хрупкие плечи.

– Мы же солдаты, Морико. А что есть у солдат? Лучше разреши разок поцеловать.

– Отпусти, – сказала она.

– Не отпущу! Один поцелуй!..

– Отпусти, – сказала она не шелохнувшись. – Я сильная, так и знай. Не веришь? Вот! – рванувшись, она выскользнула, как скользкая рыбка, из моих объятий и по-детски рассмеялась. – Я была первой среди гимнасток в Порт-Артуре, так и знай. Не веришь?

– Верю, верю, Морико.

– Еще знай, что в конкурсе красавиц я заняла первое место. У меня есть диплом, – сказала она все с той же детской гордостью. – Вот смотри! – и она высоко подпрыгнула, едва не задев потолок. Затем проделала кульбит – грациозно перевернулась в воздухе и оказалась передо мной. Она была такой милой, красивой девочкой с обворожительной улыбкой!

– Морико, ты еще получишь титул первой красавицы не только Порт-Артура, но и в конкурсе красавиц мира! Иди, посиди со мной рядом!

– Постой, – сказала она. – Только не давай воли рукам. Я сама тебя поцелую.

Наклонившись, она прикоснулась к моим губам своими пухлыми, нежными губками. Ее губы пахли медом и имели вкус сладкого галетного печенья. Мне показалась, что комната, этот город и даже весь мир наполнился каким-то волшебным светом. Забыв о просьбе девушки, я обнял ее тонкую, гибкую, как прутик ивы, талию.

– Отпусти, солдат! – Морико изящным движением высвободилась из моих объятий.

– До свидания, солдат! – она рассмеялась веселым детским смехом и подобно удивительной бабочке выпорхнула за дверь.

Я был заморожен и не мог пошевелиться...

Около десяти дней моя жизнь протекала как в волшебном сне, я жил проказами и милыми проделками Морико. А для майора жизнь превратилась в сплошной праздник. Каждое утро, приходя ко мне, он поглаживал усы и повторял одну и ту же фразу:

– Нет, никто не сравнится с этими японками! Я очень много видел красоток, но таких не встречал! – И каждый день задавал мне одни и те же вопросы:

– Ну, как твои дела?

– Неплохо, товарищ майор!

– Перешел дальше поцелуев?

– Нет, товарищ майор.

– Тряпка! – усмехался он, натягивая мне пилотку на глаза. – Так тебе и надо, растяпа!

К сожалению, эти сказочные дни, озарившие мир чудесным светом, неожиданно закончились. Закончились внезапно, как гром среди ясного дня. Генерал, по-видимому, обо всем узнал и запер дочерей дома. Злой, обросший, в лохмотьях, он время от времени появлялся во дворе и в полном одиночестве кружил по двору, как сумасшедший, бросая ненавидящие взгляды в нашу сторону.

Майор терпел день, терпел другой, а на третий – пришел навеселе, почернев от тоски.

– Что же это делает сумасшедший старик? – спросил он, взяв в руки бинокль. – Он что, запер их в подвале? Если он и сегодня их не выпустит... вечером я этого негодяя расстреляю! – Майор был очень зол, но вдруг он воскликнул:

– Ого, куда направляется этот безумный старик, еще и генеральскую форму одел! Кто ему разрешил?

Из-за густых деревьев, стройным рядом закрывавших убогую генеральскую хижину, показался генерал. Он шел, почесывая растрепанную бороду. Он действительно был в генеральском кителе, в фуражке с прикрепленным к ней японским гербом и в начищенных сверкающих сапогах. Насупившись, не глядя в нашу сторону, до смешного гордо подняв голову, он прошел мимо наших дверей.

Ударив меня по плечу, майор сказал:

– Беги, возьми топор! Если он закрыл подвал... Освободи девушек, даже если придется сломать замок.

«Сначала сделаю разведку!» -- решил я и пошел к дому генерала. Ломать замок не пришлось. Едва я приблизился, из дома стремительно выскочила Морико, схватила меня за руку и нырнула в густые заросли арчи справа.

– Идем быстрее, пока не вернулся отец!

Ветки арчи больно царапали мое лицо. Мы остановились на ровной, как ладонь, полянке. Солнце уже село, но еще было

светло, с моря дул легкий ветерок. За это время Мориико слегка осунулась, она всхлипывала и тяжело дышала.

– Мы сегодня будем делать прошай-прошай, – сказала она.

– Что случилось? Почему вдруг «прошай-прошай»? Где твоя сестра Чико?

– Чико сейчас пойдет к твоему командиру. Пойдет на одну минуту. Пойдет делать прошай-прошай, – Мориико, размазывая слезы по лицу, рассказала, что произошло. Узнавший обо всем генерал кричал на дочерей:

«Вы – дочери генерала, опозорили честь собственного отца, встречаетесь с офицерами – врагами. Позор на мою голову. Лучше убейте своего отца, растопчите меня! Я не вынесу такого позора, я пойду к русскому начальству, расскажу все что случилось, и их выгонят из армии. Знаю, что русским офицерам строго запрещено встречаться с японскими девушками!».

Тогда Чикосан тоже стала возмущенно кричать:

«Отец, если вы так поступите, я сегодня же вечером повешусь».

Услышав такие слова, отец обнял своих дочерей и они долго плакали. Сес-тры пообещали, что больше не будут встречаться с русскими офицерами. Затем генерал пошел в японское представительство просить поскорее отправить их на родину. Утром поездом они должны будут уехать в большой порт под названием Дальний. Там сядут на пароход для японских служащих и отбудут на родину – в Японию.

– Сейчас мы будем с тобой прощаться...

Мориико, глубоко вздохнув, бросилась в мои объятия и прижалась мокрым от слез личиком к моему лицу.

– Целуй! Умоляю! – шептала она. – Сколько хочешь целуй!

Ее нежные губы, имевшие прежде вкус галетного печенья, были соленными от слез. У меня судорожно сжалось горло.

– Погладь меня! – проговорила Мориико и прижала к своей груди мою руку. Как только я прикоснулся к ней, она, словно

пробудившись ото сна, тихо вскрикнула, широко раскрыла глаза и, осторожно оттолкнув меня, отстранилась.

– У вас!... не по-русски, а на вашем языке как называют очень-очень любимого человека? – спросила она, очень тихо.

– Жоним, жонгинам, говорят, Морико.

Морико скрылась за деревьями, и оттуда послышался смешанный с рыданиями голос. Я остался стоять оглушенный от предстоящей разлуки.

– До свиданья, жоним, жонгинам!

Вероятно, Чикосан тоже уже приходила, так как майор сидел накупившись в своей комнате в деревянном кресле. Перед ним стояла бутылка спирта и буханка черного хлеба. Услышав что я вошел, он поглядел на меня помутневшими глазами.

– А-а, приятель! – сказал он, пьяно уставившись на меня. – Они уедут утром на рассвете. Ты приготовь два букета из цветов, которые растут под нашими окнами. Завтра мы проводим их.

– Как же, товарищ майор? Ведь вы же известный офицер, начальник штаба?!

Майор ударил кулаком по столу. Бутылка со спиртом и буханка черного хлеба, подпрыгнув на столе как лягушки, упали на пол.

– Какое твое дело, что будет со мной, мелюзга?! Иди, выполняй приказ!

Вокзал находился недалеко от нашего дома, всего за версту. Еще не рассвело и было темно, когда майор разбудил меня.

На перроне мы их не увидели. Но вагоны были полны людьми, оставляющими Порт-Артур. Всюду кричали дети, плакали женщины. Морико с родными расположилась не то в третьем, не то в четвертом вагоне. Генерала не было видно, сестры, в надежде попрощаться с нами, стояли у окна. Завидев нас, они заулыбались и опустили окно. Чикосан зарыдала, пряча лицо в букете цветов. А Морико... Морико, ну не ребенок ли, с глазами полными слез, смеялась. Мы даже не успели сказать друг другу ни слова, когда паровоз, издав долгий гудок, тронулся с места.

Чико все еще плакала. Морико, вытерев глаза, помахала рукой.

– Как ты говорил у вас влюбленные называют друг друга? – крикнула Морико.

– Жоним, жонгинам, говорят, Морико.

– Жоним! – прокричала она. – Прошай, прошай, прошай, жоним!..

Исчез вдали последний вагон. Мы молча шли по опустевшему перрону.

В конце перрона нас окликнул строгий и грубый голос:

– Майор!

К нам торопливо приближался подполковник с двумя офицерами. Подойдя к нам, они окружили нас.

– Ты, солдат, – сказал подполковник, – возвращайся в полк, понял? А вы, майор (он не сказал товарищ, только майор), пройдемте с нами.

Майор, насмешливо выпятив грудь, отдавая честь, сказал:

– Есть, пройти с вами!

Подполковник и два офицера куда-то повели его. Я вернулся не в полк, а в дом майора. Майор пришел, когда уже стемнело, пьяный и без погонов.

– Так, приятель! – сказал он, похлопав меня по плечу. – Утром пойдешь в свой полк, будешь служить в девятой роте третьего батальона. Я сказал командиру батальона, что ты хороший парень, грамотный, что у тебя хороший почерк. Может быть, возьмет в штаб батальона.

– А вы? – спросил я, – что будет с вами?

Он беззаботно рассмеялся, тряхнув головой.

– Со мной?! Ни четырехлетнюю службу на войне, ни мои геройские подвиги, когда я вытаскивал пленных на плечах из немецких окопов через колючую проволоку... Ничего не приняли во внимание! Меня выгнали из армии. Поразительно! Выгнали за мою любовь, – нервно засмеялся он, – что теперь я буду делать? Наверно, уеду на Дальний Восток, или наймусь матросом или

кочегаром на какое-нибудь торговое судно. Но обязательно уеду в Японию. Найду Чико. Может быть и умру в той стороне... Ну, все, иди спать, я очень устал, приятель...

* * *

С тех пор прошло очень много лет. И теперь вот в Ташкенте встретились мы в красивом многолюдном фойе гостиницы «Интерконтиненталь». Как только я вошел, то сразу же обратил внимание на супружескую пару, – в руках у них было по мороженому. Возраст японцев трудно определить – часто пожилые люди выглядят молодо. Мужчина выглядел респектабельно – в очках с золотой оправой, в черном дорогом костюме. Его иссиня-черные волосы еще не были тронуты сединой. Рядом с ним стояла дама. Из-за умелого пользования косметикой ее лицо было гладким, без единой морщинки. Ее волосы пепельного цвета были коротко подстрижены, и только с правой стороны выделялась рыжая прядь. Одета она была очень просто, но элегантно. На ее правой руке сверкали рубиновое кольцо и браслет.

«Это та Мориико или другая красавица?» – пронеслось у меня в голове.

Когда я приблизился, женщина встала, протянула мне свою нежную и белую ручку и спросила:

– Вы господин...?

Я кивнул головой.

– Давайте присядем, – сказала дама.

Она неплохо говорила по-русски, только произношение было все тем же, до боли знакомым и милым.

Когда я садился, господин, сказав что-то ей, встал с места.

«У моего мужа много работы, он извиняется перед вами», – сказала дама мне.

Мы остались одни. Я с трудом узнавал в ней еще не забытую мною красивую девочку. Ее раскосые черные глаза по-прежнему блестели, только в зрачках уже не было солнечных бликов.

Разговор не клеился, мы оба чувствовали себя неловко. Я нарушил молчание и спросил о Чико. Дама тяжело вздохнула.

– Чико умерла в прошлом году. Она так и не вышла больше замуж. Генерал умер 15 лет назад.

Я спросил о майоре, не приезжал ли он. А когда спросил, то и сам смутился.

– Майор? – нахмурив брови, спросила дама и засмеялась. – Руси капитан. Хороший был человек.

– Он хотел поехать в вашу страну и отыскать Чикосан.

Дама грустно улыбнулась.

– Юношеские мечты! Сказка!

В моей голове невольно промелькнула мысль: «Зачем же ты тогда приехала? Зачем тебе нужно было беречь чистые, как родник, воспоминания?»

Дама, словно догадавшись о моих мыслях, глубоко вздохнула и улыбнулась. В этот момент она стала похожа на ту Морику, которую я знал в тяжелое солдатское время и мне стало не по себе. Кто знает, может и ее тревожили эти воспоминания, и поэтому она приехала ко мне. Видимо, эти искренние, трепетные и неповторимые чувства тоже не давали ей покоя. Виновато склонив голову, я пригласил Морику с мужем приехать к себе в гости. Она поблагодарила меня по этикету японских женщин, попросив прощения. Оказалось, что они с мужем едут в Самарканд, затем в Бухару. Мы договорились после их возвращения в Ташкент созвониться. Но, ни они, ни я так и не позвонили друг другу...

У писателя А. Чехова есть рассказ «Дом с мезонином». Главный герой, молодой студент, приехал на летние каникулы на дачу к своим дальним родственникам. В их семье было две дочери. Старшая Лида была очень красивой, но несчастливой

девушкой. Молодой человек полюбил младшую – Мисюсь. Но эта прекрасная возвышенная любовь молодого человека к юной девушке в одну ночь была разрушена. И виновницей была Лида. Столкнувшись с реальностью жизни, рухнуло счастье двух влюбленных, как разрушаются воздушные замки, которые строят в мечтах.

Мои светлые юношеские воспоминания, хранимые всю жизнь в уголке моего сердца, тоже разрушились сами собой. Я осознал это с горечью и спросил себя: «Где же ты, Морико!».

Перевод С. Камиловой

ПРОЩАНИЕ

За последнюю неделю старому мастеру Кабулу стало совсем плохо. Он лежал на спине в лучшей комнате дома, у окна в сад, на деревянной кровати. Под головой несколько подушек. Коротко подстриженная белая бородка смотрит в потолок, виски вдавлены, прямой нос заострился.

Только руки с вздувшимися венами, большие, костлявые и исхудавшие, остались сильными и красивыми.

Боль была в желудке. Казалось, что туда забрался голодный еж и вот уже месяц, как он то царапает, то грызет, то жжет чем-то горячим.

Уже неделю старик не может есть, и только когда огонь внутри становится невыносимым, он пьет из глиняного кувшина несколько глотков холодного кислого молока.

Поняв, что дела его плохи, Кабул попросил вызвать младшего сына Надира, живущего в городе, и тот третьего дня приехал вместе с женой.

С тех пор как мастер заболел, дом был вечно полон людей.

А с прибытием Надира народу стало еще больше, и старшая невестка Гульджахон совсем сбилась с ног. Посетители сидели подолгу, в гостиную заходили с грустными лицами, и когда спрашивали старого мастера о здоровье, глаза у них становились печальными, а в голосе была тревога. Но старый мастер н? расспросы о здоровье отвечал: «Слава богу»,— и посетители веселели, завязывались беседа, даже слышался смех.

Вот и сейчас под окном на деревянном настиле разгорелся громкий спор среди гостей, окруживших Азиза-домлу, седого, моложавого. Рядом с ним — Надир. На нем небесно-голубые шелковые бриджи, а сквозь белую, тоже шелковую майку виден большой, выпирающий наружу живот. Надир пополнел, и

кажется, что именно из-за этого лицо у него стало красное и глаза щурятся из-под опухших век. В общем, Надир выглядит неправдоподобно важно, почти величественно. Он часто вытирает красивым платком капли пота с шеи и носа и предпочитает молчать, а на вопросы, прямо к нему обращенные, отвечает кивком головы и улыбкой.

В последний раз Надир приезжал три года назад, когда умерла мать, и прожил тогда у отца дней десять. С тех пор как-то не находилось времени приехать, и хотя отец звал его, Надир так и не сумел вырваться. Вот только в прошлом году осенью прислал в кишлак свою старшую дочку Фирузу, чтобы она побывала у деда, пока он, Надир, закончит свой научный труд.

Мастер давно не видел сына, и теперь Надир кажется отцу сильно изменившимся.

Против Надира сидит, скрестив ноги, колхозный бухгалтер Икрам. Он тоже очень толстый — голова ушла в плечи так, что шеи совсем не видно, а большой круглый живот лежит у него на коленях, и только Самад, недавно выбранный председателем, все такой же высокий и поджарый, как прежде, с обожженным на солнце смуглым лицом. И разговор они ведут какой-то странный. Вот уже целый час обсуждают проблему молодежи.

Начал разговор, конечно, Азиз-домла. Поминутно поглаживая длинными, неживыми пальцами бледные губы, он жалуется на молодежь: неучтива, невоспитанна, не интересуется наукой. Говорит он горячо, будто спорит.

— Правильно! — перебивает Икрам, поднимая грузное тело.— Нынешняя молодежь позабыла не только уважение к старшим, но и все наши обычаи.

Самад нахмурился.

— Ты уж слишком! — В его голосе чувствуется неловкость. Но Икрам этого не замечает.

— А что, не правда? Мы разве такими были в школе?

Вот пусть домла сам скажет.

Домла поглаживает губы.

— Да, то было другое время,— и как-то странно улыбается.

«Все та же баня и тот же таз,— думает мастер.— Ругают молодежь».

— Правильно, домла,— это голос Икрама.— Мы были другими. И многие из нас вышли в люди.

— Например, в великие бухгалтеры,— смеется Самад.

— Я о себе не говорю. А вот, например, Надир. Стал ученым. Защищает диссертацию.

Все повернулись к Надиру. Он улыбается, но непонятно, доволен он или нет словами Икрама.

«Да, ученый! — думает мастер.— Великое слово, священное слово».

Азиз-домла смущенно улыбается: он любил Надира с детства, считал его своим учеником.

— Ты нас не слушай,— говорит он, кладя руку на колено Надира,— расскажи лучше о себе. Диссертацию закончил?

Надир вытер платочком шею и лицо, приподнял брови и помолчал.

— Закончил,— сказал он наконец.— Уже автореферат разослал. Если бы старик не заболел...— он покосился на окно,— я бы на следующей неделе защитился. Теперь боюсь, что перенесут на осень. Но что же делать, старик плох.

Снова наступило молчание.

«Старик,— подумал мастер.— Старик».

Надир прежде называл его «папа», и новое слово казалось чужим, от него заныло сердце. А может быть, боль расшатала нервы.

Третьего дня, когда обе невестки разом вошли к больному, мастер расстроился и прослезился. Он дотянулся иссохшими руками до спинки кровати и попытался подняться. Но вошел Надир и не дал ему встать, а сам уселся на край кровати.

— Ну как вы, старик? — спросил он.

Мастер услышал это слово, и боль, которая было утихомирилась, всколыхнулась с новой силой. Он повернул

голову к побледневшей невестке, поздоровался с ней и упал на подушки.

С того дня мастер слышал слово «старик» постоянно, но никак не мог к нему привыкнуть.

Из тишины снова возник голос Икрама.

— Ничего, мастер молодец. Выздоровеет, еще будет бегать, как конь.

Надир скрестил ноги и кашлянул.

— Конечно,— сказал он,— диссертацию можно было защитить и раньше, ведь вы сами знаете, мне от вас скрывать нечего. У меня семья...— Он обращался больше к Азизу-домла, а тот кивал головой, улыбался.— Раньше и не знал, что так тяжело с семьей... В доме все нужно: и нитки, и иголки, и ложки, и ложки,— засмеялся Надир.— Правда, старик помогал. Несправедливо было бы умолчать об этом. Но семья есть семья, и жить хочется все лучше и лучше. Однако...— Надир смахнул каплю пота с кончика носа и опять улыбнулся.— Да мы и живем лучше, мои заботы не пропали даром, сами увидите, у нас теперь ни в чем нет недостатка. Уют и порядок.

«Уют, порядок,— думает мастер.— Ложки-ложки».

Самад кашлянул:

— Как называется диссертация?

— Тема диссертации,— Надир вытер платочком лоб,— может показаться несколько странной неспециалисту — «Нервная система лягушки». Дело в том, что между нервной системой человека и лягушки есть известное сходство. Вот домла знает.— Надир повернулся к Азизу-домла, и тот быстро закивал головой.

— Конечно, конечно,— сказал он, поглаживая губы.

«Лягушка,— думает мастер,— человек, нервная система». Он вдруг почувствовал, что у него болит голова от этих разговоров, и, собрав силы, повернулся на бок. Мягкий ветерок коснулся его лица и принес запах цветов. Мастер приподнял голову и посмотрел на яблоню во дворе. Тень была на обычном месте: скоро придет Абдулла- джан. Вот уже месяц, как старший сын

заменяет отца на строительстве больницы. И каждый вечер после работы отчитывается перед мастером.

Старый мастер думал об этой стройке так, как если бы она была последней памятью о нем. Он вложил в это здание все свое искусство и поэтому каждый день с нетерпением поджидал Абдулладжана и так жадно слушал его обстоятельный рассказ. И даже боль в эти минуты утихала.

Больница строилась за счет района и колхоза. Не очень большая, всего восемь комнат. Но в прошлом году руководители района в самый разгар работ надумали строить вместо больницы стадион (тоже придумали!). Одних колхозных средств не хватало, и строительство больницы приостановилось. Если бы мастер не заговорил об этом на отчетно-перевыборном собрании, кто знает, может быть, и в этом году здание не закончили бы. Мастер мечтал сам его построить, а потом уже отправиться вслед за женой, но вышло иначе — он возвел только стены, крышу уже кроют другие, а сам мастер лежит на спине у окна в сад.

Мысли прервали Дети, прибежавшие с улицы. Среди них — два сына Абдулладжана и Фируза — дочка Надира. Мастер как-то по-особому нежно любит эту девочку. Ему нравятся ее глаза — блестящие и черные, как виноградины, такие глаза были у жены в молодости.

До приезда Надира Фируза бегала, как и мальчики Абдулладжана, в стареньком платьишке, а теперь приехала мать, и девочка щеголяет в коротеньком белом платьице, с белыми лентами в косах. Она похожа теперь на стрекозу, прыгающую с ветки на ветку.

«Пусть твой век будет долгим, девочка», — подумал мастер. Он смотрел на детей и думал о том, что ведь и Надира он любил больше других сыновей, с самого детства баловал. А затем вдруг вспомнил, как еще до войны он ставил двадцати четырехкомнатное здание школы, строили его всем колхозом, и его, мастера, сделали ответственным за это строительство. Помогать приходили и учителя. В полдень НаDIR приносил отцу

узелок с едой. Учился он тогда не то во втором, не то в третьем классе и был очень похож на отца: высокий и худой. Мастер каждый раз радовался его приходу, да и другие любили его, а учителя похваливали. Особенно отличался Азиз-домла: «Учится во втором классе, а умнее иных пятиклассников»,— повторял он, намекая на то, что не у всех такие удачные дети.

Сначала Надир смущался, прятался за спину отца, а мастер смеялся. Потом мальчик привык к этим похвалам и даже словно ждал их. А потом началась война. У всех было свое горе. После войны счастливая звезда засияла над головой Надира. Фотографию талантливого мальчика напечатали в газете — он приветствовал иностранных гостей, говорил с трибуны, и все учителя предсказывали ему большое будущее.

Со временем и мастер стал глядеть на сына по-иному — освободил его от всех домашних дел, и Надир лучше всех окончил школу. А потом уехал в город. Мастер ничего не жалел для сына, да и Абдулладжан постоянно помогал ему.

Надир и в городе учился хорошо, и, должно быть, поэтому его оставили в институте.

Мастер был доволен сыном и не обижался, когда тот подолгу не приезжал и не писал: отец понимал, что сын идет к высокой цели, и когда говорил об этом кто-нибудь, особенно Азиз-домла, сердце отца наполнялось счастьем. Да и сейчас он не обижался на сына. Одно его беспокоило: сын сильно изменился, уж очень непохож на прежнего Надира — высокого, худощавого и красивого юношу.

Внезапно Кабул почувствовал, что еж в желудке перевернулся и вонзился в сердце и сразу во рту и в горле пересохло...

У кровати стоит глиняный кувшин с холодным кислым молоком. Когда начинает вот так гореть внутри, он спасается двумя ложками кислого молока. Но сейчас придется самому дотягиваться до кувшина — если дети услышат, то опять начнутся расспросы, порядком надоевшие ему.

Собрав все силы, мастер поворачивается на правый бок, стараясь не скрипеть, но Самад все же услышал и вскочил с места. За ним медленно и грузно поднялся НаDIR.

— Что случилось, старик?

— Нет, нет, ничего, я только кислого молочка достать.

Он проглотил несколько ложек и, почувствовав облегчение, опустил на подушку.

— До свидания, мастер,— сказал Самад.— Выглядите вы хорошо, и вообще не торопитесь туда — сами знаете, как у вас еще много дел недоделано.

Увидев улыбку Самада, мастер тоже улыбнулся.

«Хороший парень, долгой ему жизни! Как стал председателем, так колхозникам полегчало. Занят с утра до ночи, а каждый день забегает проведать». Мастер и не заметил, как заснул с этими мыслями.

И вдруг сквозь дрему услышал голос Абдулладжана. Хотел было подняться, но Абдулладжан уже входил к нему.

Очень похожий на отца, только еще более худой и высокий, такой высокий, что, несмотря на широкие плечи, кажется тонким и даже хрупким. Коротко подстриженная густая черная бородка и щеголевато подкрученные усы скрадывают продолговатость лица.

— Вы не спите, папа? — голос глухой, но мягкий.

Мастер покачал головой.

Абдулладжан придвинул стул к кровати, нагнулся и тихо спросил:

— Как дела, боль отпустила?

— Не надо о боли, сынок.

Длинными, потрескавшимися пальцами с поломанными ногтями Абдулладжан подкрутил усы, улыбнулся, как мать: губами и глазами. Отец любовался красивым статным Абдулладжаном. Как он молодо выглядит в свои сорок лет! Кабул вспомнил, что и ему в пятьдесят никто не давал больше тридцати пяти.

Абдулладжан начал отчитываться:

— Сегодня, считайте, покрыли крышу. Ни шифера, ни железа не нашли, пришлось толью. С завтрашнего дня штукатурим.

Все это были известные, обычные слова, но мастер слушал внимательно, переспрашивал, радовался, а больше смотрел на него, следя за выражением глаз и улыбкой, так напоминающей улыбку жены.

Уже двадцать пять лет отец и сын работают рядом, но до сегодняшнего дня не замечал мастер, какой хороший и красивый у него сын, как-то не присматривался к нему, не хвалил за работу, за заботу — никогда не хвалил его. От этих мыслей не то что болит сердце, а как-то досадно, хотя открытие радует.

В комнату вошла Гульджахон, старшая невестка, и сразу смутилась, почувствовав на себе внимательный, невеселый взгляд Кабула.

Весь этот месяц мастеру было особенно неловко перед нею. Он стеснялся своих обтянутых кожей костей, боялся испугать и огорчить ее своим видом. Гульджахон остановилась у двери: высокая, тонкая, с большими, как у мужа, руками, загрубевшими от работы. И только худощавое лицо, доброе и какое-то умиротворенное, удивляло нежностью черт.

— Сегодня много гостей. Простите, папа, я давно не заходила к вам. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, дочка, занимайся своим делом, трудно тебе.

— Ничего мне не трудно, были бы вы здоровы,— Она посмотрела на мужа, словно искала у него поддержки.

— Поешьте немного супу. Я добавлю туда кислого молока. Только немножко.

Ему совсем не хотелось есть, но не хотелось и обидеть невестку. Вот уже двадцать лет живет она в их доме. И за все это время не видел мастер, чтобы Гульджахон не хлопотала. Все эти двадцать лет она работает в поле и дома. Встает на рассвете, ложится за полночь.

А после смерти жены весь дом на ее руках, и о дочке Надира ей тоже приходится заботиться. Однако же никогда не слышал мастер, чтобы невестка жаловалась на судьбу или сердилась. Да, трудно ей. Нужно сказать Абдулладжану, чтобы повез ее куда-нибудь отдохнуть.

Абдулладжан принес суп.

— Папа, может, вызвать доктора из города? — не скрывая тревоги, спросил он.

Мастер покачал головой.

— Иди, отдохни, сегодня мне лучше, только ослаб очень.

Нет, он не обманывал, боли сейчас нет, была только слабость. Потом мастер заснул и увидел сон: будто он строит комнату для себя и для жены, чтобы на старости пожить тихо, строит и торопится. Тут же и жена в голубом платье и таком же голубом платке на голове, с под-мазанными сурьмой глазами.

— Что это вы так торопитесь, отец? — говорила она.— Я думала, что вы еще позаботитесь о детях.

Он засмеялся в ответ:

— До каких же пор о них заботиться, нам ведь тоже хочется пожить...

И проснулся. Солнце еще не взошло, но в комнате уже светло, а с улицы слышался голос пастуха.

Стало трудно дышать. С минуту он прислушивался к мычанию и бляению стада. Но вот за окном послышались приглушенные голоса.

— Ты не понял меня!

«Надир»,— подумал мастер.

— И немудрено, ведь происходит что-то непонятное. Ты же сам видишь.

«А это Абдулла».

— Вижу, вижу, но сообрази сам: если я сейчас не защищусь, то это проклятье будет висеть надо мною еще семь месяцев.

— Ничего не случится, если отложишь, ты же видишь, в каком состоянии отец.

- Он может и год так пролежать.
- Слушай, ученый, замолчи, пожалуйста.
- Ладно.

Голос Надира изменился, задрожал, как у обиженного ребенка.

Мастер тихо закрыл глаза. Господи, не слышать бы этого голоса, повернуться на другой бок, уснуть...

Но какое там повернуться, пошевелиться и то сил нет, а сердитый голос звучал уже на высоких нотах.

— Неужели вы все не понимаете, что моя жизнь, мое будущее, все зависит от этого. Эта защита нужна не только мне, а всем нам. Я уже не говорю об авторитете, ты этого не поймешь, но ведь и денег этих проклятых будет в несколько раз больше. Это разве безразлично? Или, думаешь, тебе не будет от этого выгоды?

— Спасибо, нам и своего хватает.

— Вот, вот, опять язвись.

— Хватит! — Абдулладжан приглушенно закашлял.— Но запомни... Тебе же будет стыдно, люди осудят.

— Плевал я на твоих мещан.

Наступила странная тишина.

— Раз так,— сказал Абдулладжан,— делай как знаешь.

Голоса стихли, послышались осторожные шаги. Мастер открыл глаза. Было очень тихо, казалось, что вокруг ни души. «Неужели это Надир? Мой младшенький, любимый, моя гордость?»

Что-то сдавило ему горло. Две слезы скатились по щекам и затерялись в бороде.

«Что с тобой, старик?» — подумал мастер, но слезы все катились и катились. Впервые в жизни он плакал так и впервые понял, что слезы могут облегчить душевную боль!

Когда вошел Абдулладжан, мастер встретил его, как обычно, и попросил позвать Надира.

Абдулладжан удивленно посмотрел на отца, но послушно пошел за братом. На Надире — шелковая пижама, ноги — в

домашних туфлях. Лицо, то ли оттого, что он не выспался, то ли оттого, что выпил лишнее вечером, было припухшее, глаза заплаыли.

— Садитесь, дети, я хочу поговорить с вами.— И помолчал немного, чтобы успокоиться.— Сегодня мне совсем хорошо,— сказал он,— спал спокойно, болей нет... Ты приехал в самый разгар твоей работы.— Мастер посмотрел на Надира. Длинный, с горбинкой нос сына вдруг заблестел.

— Да нет, дело не в этом... — начал НаDIR.

— Будь счастлив, сын,— перебил его мастер и закрыл глаза.

Среди молчания послышался надтреснутый голос Надира.

— Ну что вы! Работа подождет, вы в таком состоянии.

Мастер еще плотнее прикрыл глаза и вздохнул:

— Состояние... Ну, какое мое состояние... Я ведь могу так еще пролежать бог знает сколько.

«Что это со стариком,— подумал НаDIR,— смеется надо мной, что ли?»

Конечно, для них, для всего кишлака, он, НаDIR, большой ученый. Вот уже четыре года он не знает отдыха. Днем занят диссертацией, вечером — очередной работой: пишет статьи, преподает в вечерней школе. И делает он все это, чтобы «жить, как люди». Правда, старик помогает. Этого НаDIR не отрицает, несправедливо было бы забывать, но это такая малость для Надира и его семьи. Отцу, да и брату не понять, а теперь, когда дела наладились и он вот-вот должен защититься и начать жить по-человечески, вдруг стряслась эта беда...

Конечно, старик не нарочно заболел. Но... Ладно, пусть говорят что хотят. Только не нужно разрешать себе волноваться. Когда человек сердится, он теряет разум. Надо молча настоять на своем.

Мастер приподнялся на подушке:

— Ну все, сын. Я сказал все,— и перевел взгляд на Абдулладжана.— Попроси жену, чтобы дала мне халат и палку.

Несколько минут мастер лежал не шевелясь, с закрытыми глазами. Он чувствовал, что Надир здесь, что он не знает, уйти ему или остаться, но не было сил пошевелиться, и он молча боролся с волнением.

Поднялся Абдулладжан и за ним Надир.

— Будь здоров, сынок,— сказал мастер.

Через несколько минут послышался шорох. «Наверно, Гульджахон»,— подумал мастер, но шаги были очень легкие. Мастер увидел руки, положившие халат на спинку стула: сжатые золотыми браслетами, круглые и пухлые руки. Мастер закрыл глаза.

Он решил встать. Хватил ли сил? Он должен встать, иначе Надир не решится уехать. У него ведь и правда спешное дело. Пусть едет. Что с того, что у гроба будет одним человеком меньше? Мастер попробовал пошевелить ногой. Чугунная тяжесть — будто отнялись ноги. И все же он встанет, непременно встанет. Напрягая все силы, упираясь локтями в края кровати, сжимая зубы, мастер сел. Передохнул, отбросил простыню и посмотрел на свои ноги. В глазах промелькнула улыбка: он и не знал, что у него такие длинные, неуклюжие и некрасивые ноги. Он начал медленно подниматься, но когда встал на ноги, почувствовал, что еж, уснувший еще вчера вечером, проснулся и заворочался вновь. Мастер замер, и еж успокоился.

Дети удивленно притихли, когда во дворе появился с палкой в руках старый мастер. Двор был тенистый, но мастеру он показался очень светлым. Листья на деревьях были ярко-зеленые, а розы — слишком красные.

Ребята подняли шум, бросили завтрак и подбежали к деду. Фируза обняла его ноги и стала тереться личиком о его колени. Из кухни вышла Гульджахон с двумя чашками. Она засуетилась и не знала, куда поставить чашки.

— Папа, дорогой, постелить вам во дворе? — подбежала она к мастеру.

Подошли и Надир с женой:

— Что случилось, старик, вам же запретили вставать.

— Когда ты едешь? — перебил его мастер.

Надир пожал плечами.

— Не знаю, вы в таком состоянии...

— Опять состояние! Говорю тебе, что я здоров. Собираюсь на строительство, хочу посмотреть, как они там управляютя.

— Я уже сговорился с председателем насчет машины, но... скажите, вам действительно лучше? Мои дела ведь можно и отложить.

Надир заикался, краснел. Мастер отвел глаза. «Попросил машину, а сам мнешься», — подумал он. А вслух сказал:

— Ну, я иду, не беспокойся, ты же видишь, я здоров.— Он вскинул голову, и чугунные ноги стали как будто подвижнее.

Уже высоко поднялось солнце, но было прохладно. Свесившиеся с дувалов переплетенные ветки черешни образовали густой шатер. Вишня уже сорвана и урюк тоже, но кое-где среди пыльных листьев виднелись подсохшие, выклеванные птицами ягоды и засушенный солнцем черный урюк.

Мастер пошел по улице, которая вела к площади, и стал считать дома, построенные его руками. До площади насчитал шестнадцать. Почти все они были крыты камышом — строились в тяжелое время, но все-таки были крепкие и могли простоять хоть сто лет. Сейчас люди с недоверием относятся к камышу, делают крыши из шифера и даже из железа.

Любит мастер свою работу. Еще лет пять тому назад бывали дни, когда он клал в день по пять тысяч кирпичей. Двое дюжих парней не успевали подавать ему. А многие нарочно приходили любоваться его работой.

Из чайханы, спрятавшейся под развесистыми ивами, был слышен смех. Мастера увидели уже издали и высыпали навстречу. Он всей тяжестью опирался на палку. (Господи, сколько раз сидел он здесь, сколько веселых бесед здесь прошло!) И сейчас ему захотелось присесть, поговорить с молодежью, но он

боялся, что не сможет подняться. Он только поблагодарил, отвечая на многочисленные вопросы о здоровье, и добавил:

— Я на строительство.

Больница строилась шагах в ста от площади. Сегодня для него этот путь был длиннее и тягостнее, чем путь в Мекку. Все же, увидев высокие стены, мастер постарался ускорить шаги, казаться бодрым.

Проект больницы мастер делал сам. В том проекте, что прислали из города, палаты были расположены с теневой стороны. Живому человеку нужен свет, солнце, да еще болеют-то чаще других старые люди, и им полезнее лекарства теплый ласковый луч.

Правильно сделал, что исправил проект. Здание получилось светлым, ладным, красивым даже. Вдруг он нахмурился: здание готово, а мусор не вывезен. Нужно будет сказать Абдулладжану.

Мастер прошелся по комнатам, а когда вышел, во дворе уже, затаив дыхание, ждали: что-то скажет Кабул?

— Спасибо! — Он почти прошептал это слово. Мастер не умел хвалить, хлопать по плечу, и это его короткое «спасибо» оценили.

Он же смотрел на рабочих и по их лицам понял, что дело его совсем плохо.

— Вызвать машину, папа? — спросил Абдулладжан.

Мастер отрицательно покачал головой.

— Тогда садитесь, отдохните.

— Нет, я пойду потихоньку. Не беспокойтесь, продолжайте работу, я дойду потихоньку, — повторил он.

Подходя к своему двору, он почувствовал, что едва держится на ногах. У ворот стояла «Волга», собрались соседи. Из дому вышел Надир с женой, за ними несла большой узел Гульджахон. Надир увидел отца... и растерялся.

— Ну что, старик, устали?

Его полное красное лицо было все в капельках пота, а в глубоко посаженных глазах таилось беспокойство.

«Нет, не стоит на него сердиться, у него ведь действительно неотложное дело»,— подумал мастер.

— Устал, так отдохну.

Он повернулся к невестке.

— До свидания, будь здорова, дочка.

Нужно было поднять ногу и поставить на ступеньку.

«Господи, не упасть бы! Еще шесть шагов, а там можно лечь. Без посторонней помощи пройти эти шесть шагов. Вот наконец...»

Гульджахон постелила свежие простыни и взбила подушки. Мастер снял халат, поставил палку к стене и с наслаждением, как когда-то в жаркий день бросался в воду, лег в постель. Он понял, что жизнь кончена, что едва ли дотянет до утра. Но эта мысль не вызвала ни страха, ни сожалений.

Было такое чувство, будто он здорово поработал сегодня и удовлетворенный, заснет крепким сном.

За этими мыслями мастер не заметил, как наступил вечер и вернулся Абдулладжан.

Мастер посмотрел на него, и на душе опять стало хорошо... «Похож на меня, ну просто копия».

— Папа, как здоровье? — спросил Абдулладжан.

Мастер улыбнулся.

- Спасибо, сын. Приведи-ка детей, хочу на них посмотреть.

— Папа...— Но, поглядев в глаза отца, Абдулладжан молча вышел.

Через несколько минут он привел Фирузу и обоих мальчиков. Вошла и Гульджахон. Глаза у нее были мокрые.

С минуту мастер смотрел на внуков, потом сделал знак-глазами: «хватит».

Он отметил, что на дочке Надира красивое платье, а мальчишки босы и одеты как попало.

— Детей... — сказал мастер вернувшемуся в комнату Абдулладжану,— детей не балуй, ко всем одинаково, понял?

— Да, папа.

— И жену цени. Она у тебя...

Абдулладжан кивнул.

Пришел Азиз-домла, подсел к кровати и наклонился над мастером.

— Ну как дела?— А потом тихо: — Надирджан уехал.— Голос его задрожал.

— Уехал,— сказал мастер тоже тихо. И голос его тоже Дрогнул, а в глазах появились слезы. Потом мастер снова заснул, а когда открыл глаза, на месте Азиза-домлы сидел Самад.

...Старого мастера похоронили рядом с женой, на том месте, которое он сам выбрал.

На похоронах был весь кишлак и люди из соседних кишлаков.

Не было только Надира.

1963

Перевод Н. Владимировой